

Содержание

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ

Исследование феномена продолжения жизни
после смерти тела

Введение	16
Глава 1. Феномен смерти	19
Глава 2. Опыт умирания	25
Глава 3. Параллели	76
Глава 4. Вопросы	86
Глава 5. Объяснения	99
Глава 6. Впечатления	114
Послесловие	117
Благодарности	120

СВЕТ ВДАЛИ

Новые исследования жизни после жизни

Предисловие	123
Глава 1. Опыт на грани смерти	126
Глава 2. Новая жизнь: преобразующая сила околосмертных переживаний	145
Глава 3. Дети и околосмертный опыт: встреча с ангелом-хранителем	160
Глава 4. Почему околосмертные переживания нас интригуют	172
Глава 5. Почему околосмертный опыт — это не психическое заболевание	190
Глава 6. Исследователи околосмертного опыта	202
Глава 7. Объяснения	227
Библиография	245

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ УТРАТЫ

Как справиться с горем и обрести надежду

Предисловие	251
Введение	255
Глава 1. Раннее переживание горя	258
Глава 2. Стресс как следствие горя	275
Глава 3. Стресс влечет сильные эмоции	289
Глава 4. Многоликая утрата	309
Глава 5. Как выражать и принимать сочувствие	329
Глава 6. Горе функциональное и нефункциональное	346
Глава 7. Адаптация к утрате	366
Глава 8. Преодоление утраты	381
Глава 9. Дары, которые приносит утрата	394
Глава 10. Мы увидим их снова	401
Благодарности	419
Ресурсы	422
От переводчика: ресурсы на русском языке	452
Библиография	462

ПРОБЛЕСКИ ВЕЧНОСТИ

Общий опыт на пути в жизнь после жизни

Глава 1. Случайное открытие	469
Глава 2. Поток историй	481
Глава 3. Мой собственный опыт	497
Глава 4. Компоненты разделенного околосмертного опыта	518
Глава 5. Исторические параллели	538
Глава 6. Вопросы о разделенном околосмертном опыте	556
Глава 7. Объяснения	577

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ

ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА ПРОДОЛЖЕНИЯ ЖИЗНИ
ПОСЛЕ СМЕРТИ ТЕЛА

*Посвящается доктору медицины Джорджу Ричи
и — через него — Тому единственному,
кого он предложил*

Предисловие Эбена Александера к юбилейному изданию

Спор о разуме и теле — нескончаемая дискуссия о соотношении физического мира и того, как его воспринимает наш мозг. Что такое сознание? Что такое материя? Как взаимодействуют разум и материя? Является ли один из этих компонентов основополагающим, так что другой из него вытекает, или они существуют параллельно? Эта дискуссия — центральная для науки, философии и теологии, фактически она — самое сердце наиболее фундаментальных вопросов о бытии в целом. В свете этого, наверное, неудивительно, что споры не стихают уже более 25 веков. Удивительно то, как мало продвинулись свыше сотни поколений людей.

Но сейчас человечество готово сделать радикальный шаг вперед из этого тупика, шаг, который позволит нам наконец существенно продвинуться в понимании природы всего сущего, тогда как в рамках дискуссии, продолжавшейся не одно тысячелетие, это понимание постоянно от нас ускользало. Когда будущие историки примутся за хронику попыток человечества осознать свое место во Вселенной, решающий поворотный момент они свяжут с книгой «Жизнь после жизни», написанной доктором Рэймондом Моуди в 1975 году.

В этой новаторской работе доктор Моуди сосредоточил свой острый философский и научный ум на странных переживаниях, о которых ему рассказали около сотни пациентов, вернувшихся с порога смерти, чтобы поведать свою историю. Его поразило то, что в их опыте было много сходного. Несмотря на то что пациенты придерживались самых разных взглядов и вероисповеданий, страдали от разных болезней и отличались разнообразными культурными традициями, их воспоминания имели общие черты, и это убедило его, что предмет достоин научного изучения — и сможет выдержать пристальный взгляд ученого. Моуди популяризировал термин «околосмертный опыт» и указал, что люди по

всему земному шару описывали точно такие же переживания еще тысячи лет назад.

Вдумчивый, мыслящий ученый, доктор Моуди всегда был осторожным, но вместе с тем непредвзятым скептиком в отношении того, что эти переживания могут говорить о нашем бытии, а особенно об этом главнейшем вопросе из всех: продолжает ли душа жить после смерти тела. Пройдут десятилетия, прежде чем он примет для себя возможность того, что такие рассказы действительно могут служить своеобразным «доказательством» жизни после смерти. Он и в самом деле непревзойденный скептик.

До тех пор пока «Жизнь после жизни» не предоставила медицинским работникам контекст околосмертных переживаний, пациентам, которые рассказывали о них другим, почти всегда говорили, что это были «уловки умирающего мозга», галлюцинации, обусловленные действием лекарств или кислородным голоданием, или, что еще хуже, психическое заболевание, вызванное их состоянием здоровья. Неудивительно, что пациенты делились столь странными историями без особой охоты! В то время как многие врачи все еще на пути к этому, другие уже с открытым сердцем воспринимают более волнующие возможности. Я лично знаю многих врачей и медсестер, которые столкнулись с пациентами, испытавшими околосмертный опыт, и которые, изучив все исследования, начатые с новаторской работы доктора Моуди, смогли предоставить своим пациентам оптимальные консультации и помощь.

Подавляющее большинство человеческих культур на протяжении десятков тысячелетий трактовали смерть как естественную часть жизни и встраивали такое понимание в мировоззрение в целом. Но с ростом научного материализма в XX веке современная западная культура отказалась — в ущерб себе — от этого комплексного взгляда. Научный материализм утверждает, что существует только физическая материя и что сознание является иллюзией, зависящей от работы мозга и тела. В XIX веке большинство людей умирали дома, в окружении семьи. Быстрый переход к стационарной помощи в начале XX века привел к резкому увеличению числа пациентов, умирающих в больницах, и уходят они в присутствии лишь немногих медработников (которые часто отсылают близких, чтобы те не стали свидетелями собственно смерти).

По мере того как достижения в области медицины, такие как антибиотики, рентген и переливание крови, превращали больницы в центры исследований и эффективного медицинского

вмешательства, медработники все более остро ощущали свое поражение, если пациенты не выздоравливали. Смерть больше не была обычным естественным результатом болезни, теперь она стала презренным врагом, которого нужно скрывать и не обсуждать. Смерть стала чем-то совершенно неестественным.

К середине XX века достижения в области медицины также оказались связаны с нерациональным, чрезмерным применением дорогостоящих интервенций ради продления жизни в преклонном возрасте, что привело к тому, что расходы на здравоохранение всё росли и вышли из-под контроля. В результате такого агрессивного вмешательства пострадало прежде всего достоинство умирающих пациентов.

Книга доктора Моуди «Жизнь после жизни» стала решающим фактором, подтолкнувшим общество к широкомасштабной коррекции дисбаланса в понимании нашей культурой смерти и того, как следует жить. Это включает осознание того, что физической смерти тела не нужно бояться, потому что это не конец души и не конец ее связи с возлюбленными родственными душами. Фактически доктор Моуди заново открыл «психомантеум», зеркальную комнату, которую использовали для взаимодействия с миром духов еще в Древней Греции, и перенес ее в современную эпоху. Это устройство представляет собой терапевтический инструмент, помогающий понять и установить связь с умершими близкими.

Доктор Моуди с неиссякаемым энтузиазмом стремится к более глубокому пониманию того, чему нас учат подобные переживания. Его безграничная энергия и мудрость в этом стремлении привели к публикации 14 книг, которые помогут приблизить этот мир к более глубокому пониманию важнейших явлений. Еще одним из величайших достижений Моуди стало его описание разделенных околосмертных переживаний, при которых душа человека, дежурящего у постели умирающего, сопровождает душу пациента в фантастическое путешествие, причем иногда даже становится свидетелем полноценного обзора жизни, прежде чем вернуться в наш мир.

Я слышал подобные рассказы от людей, которые приходили на встречи со мной (почти всегда такие рассказы начинались со слов «Я никому об этом не говорил, но...»), однако не понимал, что они собой представляют, пока не прочитал книгу доктора Моуди «Проблески вечности» (*Glimpses of Eternity*), опубликованную в 2010 году. И вновь доктор Моуди не только выявил в массе личных свидетельств новую закономерность, но и нашел для них место в формирующейся систематической классификации нелокального сознания. Поскольку такой разделенный око-

лосмертный опыт случается у нормальных, здоровых людей, он убедительно опровергает гипотезу о том, что фундаментальные элементы околосмертных переживаний (такие как яркий свет, тоннель, наблюдение за умершими близкими, встреча с божественными существами) являются патофизиологическими ошибками умирающего мозга. Более того, как обнаружил доктор Моуди, это не редкость!

Этот новаторский труд привел к тому, что в Санта-Барбаре, штат Калифорния, заработал Проект совместного перехода (Shared Crossing Project); его миссия состоит в том, чтобы обучать медицинских работников, сотрудников хосписов и заинтересованных родственников распознавать переход и, возможно, участвовать в нем, чтобы разделить этот путь с умирающим.

Работа доктора Моуди вдохновила на множество потенциальных преобразований в нашей культуре, включая, помимо прочего, следующие: современная практика тибетских учений, которые побуждают практикующих сохранять осознанность во время сновидений, чтобы затем достичь осознанности во время умирания; принятие и понимание близких, активно планирующих общаться с миром после смерти с помощью заранее оговоренных кодов или сигналов; большой настрой людей на распознавание родственного душ из предыдущих воплощений и совместное планирование воплощений будущих; а также хосписные центры, действующие по модели центров родовспоможения, то есть культуривующие вокруг перехода души ощущения приключения, радости и праздника.

Развивая гораздо более глубокое осознание того, кто мы есть на самом деле и что представляет собой бытие, мы можем жить более богато, изучая и преподавая уроки любви, сострадания и прощения, которые мы должны заново открыть для себя в этой жизни. Этот сдвиг парадигмы в понимании смерти абсолютно необходим для нашего понимания самых основных явлений жизни и бытия в целом.

Околосмертный опыт — это всего лишь первые проблески в формирующемся научном понимании того, что физический мозг не создает сознание и что сознание вечно. Более жизнеспособная научная модель состоит в том, что мозг выступает как клапан, понижающий давление, или как фильтр, ограничивающий сознание (то есть наше осознание себя и окружающего нас мира) до уровня осознанности, который большинству людей свойственен в повседневной жизни.

Чем больше ученые изучают мозг, тем более явно они постигают глубокий смысл сложнейшего вопроса человеческой мысли,

известного в научных и философских кругах как «трудная проблема сознания». Если говорить вкратце, он сводится к тому, как физическая материя мозга дает начало трансцендентным, субъективным переживаниям человеческого сознания. К более широкому консенсусу в понимании этого явления пока не пришли; как и доктор Моуди, я полагаю, это связано с тем, что предпосылка вопроса «Как мозг создает сознание?» в корне ошибочна. Сознание существует изначально, именно оно первично в нашей Вселенной. Околосмертный опыт учит нас, что после физической смерти душа продолжает жить.

Этот свежий взгляд на древнюю дискуссию о разуме и теле дал мощный толчок нашему научному мышлению, рассуждающему о природе сознания да и вообще всего сущего. Благодаря доктору Моуди человечество никогда не будет прежним.

*Эбен Александер, доктор медицины
Шарлотсвилл, штат Виргиния, США
13 октября 2014 г.*

Предисловие

Элизабет Кюблер-Росс

Мне выпала честь прочитать рукопись доктора Моуди «Жизнь после жизни», когда она готовилась к публикации. Я рада, что этот молодой ученый нашел в себе смелость собрать полученные им данные под одной обложкой и сделать свое революционное исследование достоянием широкой публики.

Поскольку я работала со смертельно больными людьми свыше 20 лет, я все больше задумывалась о феномене смерти как таковой. Мы многое узнали о процессе умирания, но у нас остается также немало вопросов, относящихся к моменту смерти и к опыту, который получают наши пациенты, когда их признают мертвыми с медицинской точки зрения.

Исследование такого типа, который предлагает в своей книге доктор Моуди, просветит многих и подтвердит то, чему нас учили уже две тысячи лет: что жизнь после смерти есть. Хотя он и не претендует на то, что изучал саму смерть, по его выводам очевидно, что умирающий продолжает осознавать, где он находится и что происходит вокруг, даже после того как диагностируют его клиническую смерть. Эти выводы во многом совпадают с результатами моих собственных исследований, основанных на рассказах пациентов, переживших смерть и вернувшихся к жизни, однако совершенно не соответствуют нашим ожиданиям и нередко удивляют очень искушенных, хорошо известных и безусловно талантливых врачей.

Все эти пациенты ощущали, будто выплывают из физического тела, что было связано с необычайным переживанием умиротворения и цельности. Большинство осознавали присутствие иного лица, которое помогало им осуществить переход на другой план существования. Многие говорили, что их приветствовали любимые ими люди, умершие прежде них, или кто-то из важных для них при жизни религиозных деятелей той конфессии, к которой принадлежали они сами. Было познавательно читать книгу док-

тора Моуди в то время, когда я и сама готова записать результаты собственных исследований.

Доктору Моуди придется подготовиться к волне критики, в основном по двум направлениям. Отдельных представителей духовенства расстроит то, что кто-то проводит изыскания в сфере, которая якобы должна быть запретной. Представители некоторых конфессий уже критиковали подобные исследования. Наш священник назвал их «продажей божьей милости по дешевке». Другие просто считают, что феномен жизни после смерти должен оставаться вопросом слепой веры и никому не следует подвергать его сомнению. Вторая группа людей, от которых можно ожидать равнодушной реакции на книгу доктора Моуди, — это ученые и врачи, считающие такие исследования ненаучными.

Мне думается, что в обществе мы сейчас достигли переходного периода. Нам приходится находить в себе смелость, чтобы открывать новые двери и признавать, что современные научные инструменты неадекватны многим новым исследованиям. Я думаю, что эта книга откроет такие новые двери для тех людей, кто способен мыслить открыто, даст им надежду и смелость, чтобы оценить новые сферы исследования. Они узнают, что доктор Моуди излагает собранные им данные правдиво, он истинный и честный исследователь. Его данные также подтверждаются моими собственными исследованиями и выводами других очень серьезных ученых, научных сотрудников, представителей духовенства, осмелившихся проводить изыскания в этой новой сфере в надежде помочь тем, кому нужно знать, а не просто верить.

Я рекомендую эту книгу всем людям с открытой душой и поздравляю доктора Моуди с тем, что он решил опубликовать результаты своих трудов.

*Элизабет Кюблер-Росс, доктор медицины
Флоссмур, штат Иллинойс, США*

Введение

Эта книга, поскольку она написана человеком, естественным образом отражает предысторию, мнения и предрассудки автора. Поэтому, хотя я и пытался быть настолько объективным и прямолинейным, насколько это возможно, может оказаться полезным сообщить некоторые факты о себе, чтобы вы могли оценить невероятные заявления, изложенные ниже.

Во-первых, сам я никогда не был на пороге смерти, поэтому я не даю описания переживаний из собственного опыта. В то же время я не могу утверждать, что благодаря этому полностью объективен, поскольку в этом проекте были затронуты мои эмоции. Когда я слушал, как такое количество людей рассказывает о захватывающих переживаниях, о которых пойдет речь в этой книге, я чувствовал себя так, будто пережил это сам. Я могу только надеяться, что такое отношение не скомпрометирует рациональность и сбалансированность моего подхода.

Во-вторых, я пишу как человек, который не может похвастаться обширными знаниями в области огромного массива литературы о паранормальных и оккультных явлениях. Я не стремлюсь опорочить литературу такого рода, и я уверен, что более глубокое знакомство с ней могло бы позволить мне глубже понимать явления, которые я изучаю. На самом деле я намерен ближе ознакомиться с некоторыми книгами из этой сферы, чтобы узнать, до какой степени исследования других людей подтверждаются моими собственными находками.

В-третьих, стоит рассказать о моем религиозном воспитании. Моя семья посещала американскую пресвитерианскую церковь, однако мои родители никогда не старались навязать детям собственные религиозные верования или представления. Пока я рос, они в основном стремились поддержать все интересы, которые у меня возникали, и предоставляли мне возможность заниматься тем, что мне было интересно. Поэтому я вырос с «религией» не

в виде набора фиксированных доктрин, а скорее в форме интереса к духовным и религиозным концепциям, учениям и вопросам. Я верю, что во всех великих религиях человечества немало истин, и верю, что ни у кого из нас нет всех ответов на глубокие и фундаментальные истины, с которыми имеет дело религия. С организационной точки зрения я член методистской церкви.

В-четвертых, мой академический и профессиональный опыт довольно разнообразен, некоторые даже могли бы сказать, что я был склонен разбрасываться. Я учился в аспирантуре по философии в Виргинском университете и получил степень доктора философии в 1969 году. В философии сферами моего особого интереса являются этика, логика и философия языка. После того как я три года преподавал философию в университете на востоке Северной Каролины, я решил пойти учиться в медицинский институт. Я намерен стать психиатром и преподавать философию медицины будущим врачам. Все эти интересы и мой опыт неизбежно помогли мне сформировать тот подход, который я применил в этом исследовании.

Я надеюсь, что эта книга привлечет внимание к феномену, который одновременно крайне широко распространен и очень мало известен, и поможет сделать читателей более восприимчивыми к этому явлению. Я твердо убежден, что этот феномен имеет великое значение не только для многих академических и практических сфер, особенно для психологии, психиатрии, медицины, философии, теологии и пастырства, но также окажет влияние на наш повседневный образ жизни.

Позвольте с самого начала сказать: я не стараюсь доказать, что после смерти есть жизнь; я объясню свои резоны позже. Я также не думаю, что сейчас возможно найти «доказательства» этого явления. Частично по этой причине я избегаю называния имен и маскирую некоторые детали из поведенных мне историй, по которым людей можно было бы узнать, однако само содержание рассказов я не меняю. Такой подход необходим, чтобы обеспечить конфиденциальность людей, поделившихся своим опытом, и во многих случаях чтобы мне вообще разрешили опубликовать эти рассказы.

Немало читателей сочтут утверждения, которые встретят в этой книге, невероятными, и первой их реакцией будет отмахнуться от этих историй. Я совершенно не собираюсь винить тех, кто окажется в этой категории читателей; всего несколько лет назад я и сам отреагировал бы точно так же. Я не прошу, чтобы все признали и поверили в то, о чем рассказывается в этой книге, только на основании моего авторитета. Наоборот, будучи логи-

ком, который отрицает путь к вере, пролегающий через бессмысленные отсылки к авторитетам, я прежде всего прошу вас так не делать. Все, о чем я прошу каждого, кто с недоверием отнесется к изложенному в этой книге, — это самому покопаться в этом вопросе хоть немного. Я уже некоторое время бросаю читателям и слушателям такой вызов. Среди принявших его обнаружилось немало тех, кто вначале был настроен скептически, а потом разделил мое замешательство перед лицом этих вопросов.

С другой стороны, нет сомнения, что среди читателей будет немало тех, кто найдет в прочитанном великое облегчение, поскольку они узнают, что они не единственные, кому довелось пережить подобное. Им — и в особенности если они, как большинство, скрывали свою историю от всех, кроме самых доверенных лиц, — я могу сказать одно: я надеюсь, что эта книга вдохновит вас на то, чтобы рассказывать о своем опыте более свободно, чтобы пролить больше света на такую интригующую грань человеческой души.

Глава 1

Феномен смерти

На что похожа смерть?

Этот вопрос люди задавали себе на протяжении всего существования человечества. В последние несколько лет я поднимал этот вопрос в большом количестве аудиторий. Это были лекции по психологии, философии, социологии, встречи в религиозных организациях, телепередачи, некоммерческие клубы, профессиональные сообщества медиков. На основе такого широкого охвата я могу с уверенностью сказать, что эта тема вызывает самые сильные чувства у людей любого эмоционального склада, ведущих разный образ жизни.

Однако, несмотря на этот интерес, большинству из нас все еще трудно говорить о смерти. Этому есть по меньшей мере две причины. Первая из них в основном психологическая и обусловлена культурно: вопрос смерти табуирован. Мы чувствуем, возможно, только подсознательно, что, вступая в контакт со смертью любым способом, даже косвенно, мы сталкиваемся с перспективой собственной смерти, что приближает миг нашей смерти, делает ее более реальной, более мыслимой. Например, большинство студентов-медиков, включая меня, заметили, что даже опосредованное столкновение со смертью, которое случается во время первого посещения анатомической лаборатории после поступления в медицинский институт, вызывает сильное чувство тревоги. В моем случае причина такой реакции кажется теперь совершенно очевидной. Впоследствии мне пришло в голову, что основной эмоцией было не сочувствие человеку, останки которого я увидел, хотя и это чувство, без сомнения, присутствовало. То, что я увидел на этом столе, символизировало мою собственную смертность. В каком-то смысле, даже если только в подсознании, у меня зародилась мысль: это случится и со мной тоже.

Подобным же образом разговоры о смерти можно рассматривать на уровне психологии как еще один способ косвенно к ней

приблизиться. Несомненно, у многих людей есть ощущение, что заговаривать о смерти означает на самом деле ее мысленно призывать, приближать, так что придется столкнуться лицом к лицу с неизбежностью собственной кончины. Поэтому, чтобы избежать такой психологической травмы, мы и решаем по возможности избегать этой темы в разговорах.

Еще одна причина, почему так трудно обсуждать смерть, представляется более сложной, поскольку она укоренена в самой сущности языка. По большей части слова человеческого языка отсылают нас к тем вещам, с которыми мы имели дело посредством физических органов чувств. Однако смерть лежит за пределами сознательного опыта большинства из нас, поскольку большинство из нас никогда ее не переживали.

Если разговор о смерти в принципе заходит, тогда мы должны избегать социальных табу и глубоко укорененных лингвистических дилемм, которые появляются из-за нашей неопытности. Чаще всего разговор о смерти сводится к аналогиям, эвфемизмам. Мы сравниваем смерть или умирание с более приятными вещами из собственного опыта, с вещами, которые нам знакомы.

Возможно, наиболее общепринятой аналогией является сравнение смерти и сна. Умирание, говорим мы себе, подобно засыпанию. Эта фигура речи часто встречается в повседневных мыслях и речи, а также в литературе многих культур и многих эпох. Очевидно, она была вполне распространена даже во времена древних греков. Например, в «Илиаде» Гомер называет сон «сестрой смерти», а Платон в «Апологии Сократа» вкладывает в уста своего учителя, Сократа, осужденного на смерть афинским судом, следующие слова:

«Положим же, что смерть есть совершенное лишение чувства, похожее на такой сон, в котором спящему ничего не снится: в этом случае она будет чрезвычайно выгодна. Ведь мне кажется, что если бы кто-нибудь должен был выбрать ночь, в которую спал бы так, что во сне ничего не видел, и потом, противоположивши ей все другие ночи и дни своей жизни, обязан бы был зрело обсудить, которые из них провел он лучше и приятнее той; то, думаю, [любому] ...легче было бы сосчитать первые, чем последние ночи и дни. А когда смерть такова, то я называю ее выгодною; ибо под этим условием все время покажется не долее как одною ночью»¹.

Эта же аналогия закреплена в современном языке. Подумайте, например, что означает слово «усыпить». Если вы прино-

¹ Пер. с др.-греч. В. Н. Карпова. — Здесь и далее все примечания принадлежат переводчику.

сите собаку ветеринару и просите усыпить ее, вы имеете в виду совсем не то же самое, что подразумеваете, когда беседуете с анестезиологом о своей жене или муже.

Другие предпочитают иную, но близкую к этой аналогию. Смерть, по их суждению, похожа на забвение. Когда человек умирает, он забывает все свои горести; все болезненные и тревожные воспоминания стираются.

Какими бы старинными и широко распространенными ни были обе эти метафоры, «сон» и «забвение» совершенно не способны нас успокоить. Обе они по-разному утверждают одно и то же. Хотя они говорят об этом более приемлемым способом, по сути они сводятся к тому, что смерть — это полное уничтожение сознательного опыта, навсегда. Если это так, тогда смерть на самом деле не имеет никаких желанных свойств сна или забвения. Сон — положительный, желанный жизненный опыт, поскольку за ним следует пробуждение. Сон дает нам ночной отдых, и благодаря ему следующие за ним часы бодрствования становятся более приятными и продуктивными. Если бы за ним не следовало пробуждение, благоприятные свойства сна были бы невозможны. Таким же образом уничтожение всего сознательного опыта подразумевает забвение не только болезненных моментов прошлого, но также и счастливых моментов. Анализ показывает, что ни одна из этих метафор не дает нам настоящего утешения или надежды, когда мы думаем о смерти.

Однако есть и другая точка зрения, которая отрицает трактовку смерти как уничтожения сознания. Согласно этой, возможно, еще более древней традиции, какая-то часть человека продолжает жить даже после того, как физическое тело перестает функционировать и в конце концов уничтожается. Эту постоянную часть называли по-разному: психика, душа, разум, дух, самость, сущность и сознание. Как ее ни назови, вера в то, что человек переходит после физической смерти в мир иной, относится к наиболее освященным веками верованиям. В Турции есть кладбище, которое использовали неандертальцы около ста тысяч лет назад. Там нашли ископаемые отпечатки, которые позволили археологам установить, что древние люди хоронили своих мертвецов на подставках из цветов, что может говорить о том, что они, возможно, рассматривали смерть как повод для празднования — как переход мертвого из этого мира в следующий. И действительно, могилы по всему миру с самых давних пор показывают: люди верили в то, что человек продолжает жить после смерти тела.

Одним словом, у нас есть два противоположных ответа на изначальный вопрос о природе смерти, оба ответа родом из древ-

ности, но распространены и сегодня. Некоторые говорят, что смерть равна уничтожению сознания; другие с такой же уверенностью утверждают, что смерть — переход души или разума в другое измерение реальности. В той части книги, что ждет вас далее, я ни в коем случае не хочу отмахиваться ни от одного из этих ответов. Я просто хочу дать отчет о поисках, которые я лично предпринял.

За последние несколько лет я встретил немало людей, которые пережили то, что я называю «околосмертным опытом». Я встречал этих людей в разных обстоятельствах. Поначалу это было по воле случая. В 1965 году, когда я изучал философию в Виргинском университете, я познакомился с клиническим профессором психиатрии с медицинского факультета. Меня с самого начала поразили его теплота, доброта и чувство юмора. Я был очень удивлен, когда узнал интереснейший факт, а именно: что он умирал — и не один раз, а дважды, с перерывом примерно на 10 минут, — и что он говорил о совершенно фантастических переживаниях, которые постигли его, когда он был «мертв». Позже я услышал, как он рассказывает об этом группе заинтересованных студентов. В то время это произвело на меня сильнейшее впечатление, но, поскольку тогда у меня было мало данных, чтобы судить о подобном опыте, я запомнил это на будущее и сохранил запись его рассказа на пленке.

Несколько лет спустя, получив степень доктора философии, я стал преподавать в университете на востоке штата Северная Каролина. В рамках одного из курсов мои студенты читали диалог Платона «Федон», в котором в числе прочих затрагивается вопрос бессмертия. В лекциях я делал акцент на других доктринах, которые рассматривает в этом диалоге Платон, и не фокусировал внимание на обсуждении жизни после смерти. Однажды после занятия ко мне подошел один из студентов. Он спросил, нельзя ли нам обсудить проблему бессмертия. Его интересовал этот вопрос, потому что его бабушка пережила во время операции клиническую смерть и впоследствии поделилась своим потрясающим опытом. Я попросил его рассказать мне об этом и, к моему большому удивлению, услышал примерно о той же цепочке событий, о которой несколькими годами раньше говорил профессор.

Тогда я стал более активно искать подобные случаи и включать данные о том, как люди переживали биологическую смерть, в курс философии. Однако я осторожничал и не упоминал на занятиях об этих двух конкретных случаях. По существу, я занял выжидательную позицию. Я рассуждал так: если такие рассказы — обычное дело, то, вероятно, я услышу больше, если просто в общих чертах затрону эту тему в философской дискус-

сии, покажу, что отношусь к вопросу с пониманием, и подожду. К моему изумлению, в каждой группе приблизительно из 30 студентов по крайней мере один человек подходил ко мне после занятия и рассказывал об околосмертном опыте.

С тех пор, как я заинтересовался этой темой, меня больше всего поражало невероятное сходство в этих рассказах, несмотря на то что о своем опыте говорили люди из самых разных религиозных и социальных групп, с разным уровнем образования. Когда я поступил на медицинский факультет в 1972 году, у меня уже была немаленькая коллекция рассказов об околосмертном опыте, и я стал упоминать об этом неофициальном исследовании в разговорах с некоторыми знакомыми медиками. В конце концов мой друг уговорил меня сделать доклад на встрече в медицинском обществе, а за этой встречей последовали и другие публичные лекции. И вновь я обнаружил, что после каждой встречи ко мне подходили люди, чтобы поделиться со мной своим опытом.

По мере того как о моем интересе узнавали все больше людей, врачи стали посылать ко мне пациентов, которых им удалось вернуть к жизни и которые рассказывали о необычайных переживаниях. Другие писали мне письма о своем опыте после того, как появились газетные публикации о моих изысканиях.

Сейчас мне известно примерно 150 случаев околосмертных переживаний. Случаи, которые я изучал, можно разделить на три четко очерченные группы.

1. Опыт людей, которых вернули к жизни после того, как их сочли мертвыми, — после того, как врачи диагностировали клиническую смерть.

2. Опыт людей, которые в результате несчастного случая, серьезной травмы или болезни были на грани физической смерти.

3. Опыт людей, рассказывавших о своих предсмертных переживаниях близким, которые в тот момент были рядом. Позже эти близкие пересказали их слова мне.

150 случаев предоставили достаточно материала, чтобы произвести его отбор. Частично он был намеренным; например, хотя я обнаружил, что рассказы третьего типа дополняют и не противоречат рассказам об опыте первых двух типов, в основном я исключил их из рассмотрения по двум причинам. Во-первых, это позволяет уменьшить количество случаев для более углубленного изучения; во-вторых, это дает мне возможность придерживаться как можно тщательнее именно опыта очевидцев, опираться на рассказы из первых уст. Таким образом, я провел детальные опросы примерно 50 человек, об опыте которых могу сейчас говорить. Из них случаи первого типа (когда в действи-

тельности происходит очевидная клиническая смерть) являются более *драматичными*, чем случаи второго типа (когда происходит только мимолетный контакт со смертью). И в самом деле, когда я проводил публичные лекции об этом явлении, эпизоды клинической смерти неизменно вызывали большой интерес. Публикации в прессе иногда были составлены таким образом, что у читателей создавалось впечатление, что я имел дело *только* с такими случаями.

Однако при отборе случаев, о которых пойдет речь в этой книге, я избежал соблазна обсудить только те эпизоды, когда имела место «смерть». Как будет видно в дальнейшем, эпизоды второго типа не отличаются, а скорее говорят о непрерывной связи явления с эпизодами первого типа. Также, хотя околосмертные переживания сами по себе удивительным образом схожи, обстоятельства и сами люди, их описывающие, значительно отличаются друг от друга. Соответственно, я старался дать примеры переживаний, которые адекватно отражали бы это разнообразие. Держа в уме эти требования, давайте подумаем о том, что, как мне удалось установить, может случиться в момент умирания.